

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук Николаева А.Б. на диссертацию Чувардина Германа Сергеевича «Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881–1914 г. г.», принятой к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история Диссертационным советом Д 199.053.02 при ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Исследования по военной истории занимают существенное место в отечественной исторической науке и сохраняют высокую степень актуальности. Данная тенденция обусловлена особым значением, которое войны играли в развитии нашего государства. Обширное географическое пространство, значительная ресурсная база всегда выступали объектом для посягательств со стороны политических оппонентов России. Постоянные геополитические вызовы вынуждали содержать значительную по численности армию, способную адекватно реагировать на внешние угрозы. Указанное обстоятельство чрезвычайно актуально и для современной России.

Рассуждая о различных направлениях изучения военного прошлого России, необходимо отметить устойчивый рост исследовательского интереса к отдельным группам и корпоративным образованиям, оказывающим существенное влияние на военную политику государства, на принятие важных государственно-политических решений, на успешное ведение боевых действий. Начиная с эпохи Петра I, важное место в российской

военной машине и различных институциональных образованиях, связанных с политической властью, занимала императорская гвардия. Тема изучения данного крайне сложного для однозначной оценки явления, определение его места в российском обществе, степени его влияния на пути политической и военной модернизации страны остается открытой.

Отметим, что интерес к военной элите как социальному и культурному явлению обозначился в фазе перехода отечественной исторической науки к новым научным направлениям, связанным с использованием совокупности методологических приемов, характерных для зарубежных авторов (в случае рассматриваемой диссертации – «новой социальной истории», отдельных областей социологии, военной антропологии, различных течений в элитологии). Важным фактором стала доступность работы с фондами архивов, ранее закрытыми для подавляющей части исследователей, а также деидеологизация социальных и гуманитарных наук. Война, как история элит, интересна еще и тем, что позволяет определить основные пути развития российской государственности в контексте специфики взаимоотношения власти и общества, сложной совокупности процессов, влияющих на общественное сознание и культурное развитие страны. Таким образом, общая направленность проблемного поля рассматриваемой диссертации позволяет говорить о достаточной степени ее актуальности для современной исторической науки.

В силу отмеченных факторов диссертационное исследование Г.С. Чувардина «Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881–1914 г. г.» приобретает определенную значимость и представляет научный интерес. Оно состоит из введения, четырех глав, разбитых на параграфы, заключения, списка источников и литературы. Особого внимания заслуживает отдельный том приложений, придающих дополнительную степень объективности полученным научным результатам и

исследовательским выводам. В целом структурное построение диссертации логично и отвечает задачам исследования. Общая композиция глав и параграфов, формулировка их названий продуманы и возражений не вызывают. В диссертации Г.С. Чувардина квалифицированно сформулированы объект и предмет исследования, поставлены конкретные, четко сформулированные цели и задачи.

При рассуждении о степени новизны исследования отметим, что в диссертации осуществляется не имеющая аналогов глубокая стратификация военно-политической и военной элит, при этом предпринимается детальный анализ выделенных страт и их важнейших элементов, выявляются основные механизмы элитообразования, рассматривается их эволюция. В работе анализируются особенности функционирования социальных институтов российской армии, заявленных в качестве отдельного предмета исследования. В центре исследовательского интереса оказываются основные социальные индексы, раскрываемые посредством методов анализа количественных данных, характерных для статистики и социологии, что соотнобразуется с заявленным диссертантом «межпредметным характером исследования». Впервые в исследовательской практике предпринимается попытка выявления специфических особенностей мировоззрения и определения основных поведенческих кодов представителей рассматриваемых социальных категорий с целью составления «коллективного портрета» их типичных представителей. Это, в свою очередь, позволяет дать альтернативную оценку характеру и степени влияния анализируемых социальных агентов как на отдельные процессы (социальные, культурные, политические), так и на общий ход исторического развития страны в указанных хронологических рамках. Как следствие, диссертацию отличает исследовательская глубина, основательность, системный характер. Полученные соискателем данные существенно расширяют имеющееся исследовательское пространство, способствуют приращению

информационного поля в рамках заявленного предмета исследования. Диссертант смог не только обобщить уже накопленный научный материал, но и выявить ранее малоизученные исследовательские области.

Можно утверждать, что автору работы удалось, опираясь на значительный массив исторических источников, решить ряд научных проблем. Они получили отражение в содержании задач исследования и общей совокупности положений, выносимых на защиту. В диссертации использовались фонды 4 архивов: 3-х центральных — РГВИА, ГАРФ, РГИА и 1-го областного — ГАОО. Совершенно оправданным выглядит тот факт, что основной упор соискатель делает на проработку фондов Российского государственного военно-исторического архива, где сосредоточен основной массив статистических источников (источников количественного характера) дореволюционного периода, проливающих свет на особенности эволюции социального портрета представителей анализируемых социальных категорий и отдельных групп. Г.С. Чувардин проанализировал значительный по объему массив «Списков по старшинству...» и личных дел представителей офицерского корпуса российской императорской гвардии, которые заявлены диссертантом в качестве основного объекта исследования. Не менее важную источниковую нагрузку несет Государственный архив Российской Федерации, в фондах которого были проработаны документы личного характера (личная переписка, воспоминания, дневниковые записи), имеющие отношение к наиболее ярким представителям анализируемых групп элиты. Достаточно основательно проработал автор и фонды РГИА и ГАОО.

Подчеркнем, что используемая диссертантом система методов соответствует актуальному состоянию современного исторического знания. Она ориентирована на межпредметный подход: соискатель активно использует смежные по предметному полю исследования методические приемы, характерные для отдельных социальных наук (социологии, политологии и др.). Важное место в работе занимают просопографический и

системный подходы, извлечения из контент- и дискурс-анализа. Полученные вследствие применения совокупности методов результаты носят объективный характер, обеспечивающий достаточную степень их достоверности. Таким образом, в работе диссертанта продемонстрирована соответствующая методологическая подготовка и владение различными исследовательскими методиками.

При анализе основной части работы обратим внимание на исторический экскурс в изучение феномена военной и военно-политической элиты, носящий ярко выраженный общетеоретический характер, которому посвящен параграф 1.1. Автор демонстрирует достаточный уровень осведомленности в области различных течений современной элитологии. Следует отметить, что данный раздел задает общую направленность работы. Система аргументов, доказывающих сравнительно недавно возникший интерес к изучению военной элиты в формате ее отдельных образований, вполне убедительна (с. 67–83).

Согласимся с утверждением о том, что отдельные аспекты анализируемой области исследования разработаны поверхностно или не рассматривались научным сообществом в принципе (с. 77–83). Предлагаемая соискателем в качестве объекта анализа система социальных категорий и групп, основные принципы их маркировки и идентификации могут быть положены в основание нового исследовательского этапа как в исторической науке, так и отдельных областях социальных и гуманитарных наук, связанных с изучением истории власти, политической и военной элит.

При анализе историографии проблемы, которой посвящен параграф 2.1., соискатель продемонстрировал высокий уровень общетеоретической подготовки: историографический очерк выглядит вполне обстоятельным, компактным, в нем присутствует уважительное отношение к трудам предшественников, при этом в работе затрагивается проблематика исследований отечественных и зарубежных авторов. Историографический

анализ отличат содержательность, он развивается не только по магистральному направлению, но и затрагивает ряд областей, связанных с отдельными, частными составляющими предметного поля работы.

Весьма интересным является раздел работы, посвященный анализу «великокняжеской среды» как важнейшей составляющей военно-политической элиты (параграф 2.1.). Соискатель обращает внимание на то, что данный социальный сегмент являлся элитой по «факту рождения», что было вполне приемлемым для социального пространства 1-ой половины XIX в., но к 1890-м г. г. становится «раздражающим фактором» (с. 156–157; 194–195). Диссертант успешно подвел доказательную базу под обоснование острого социального кризиса, возникшего в условиях «закрытого» и по-прежнему «милитаризованного» характера власти, ее нежелания к радикальной «буржуазной» модернизации. Именно «великокняжеская» среда и приближенная к ней «высшая аристократия» стремились сохранить «старую» модель рекрутирования власти, препятствующую обновлению страны. Небезынтересна оценка, данная диссертантом личностям двух последних русских императоров (Александра III и Николая II) и двум наследникам престола (великим князьям Михаилу Александровичу и Алексею Николаевичу). Опираясь на массив исторических источников (включая материалы ГАОО), диссертант отмечает, что люди, находившиеся на вершине власти, не отличались выдающимися данными, не были способны к решительным шагам, направленным на радикализацию политических и социальных процессов, они отличались ограниченным мировоззрением и консерватизмом взглядов, старались уйти от решения злободневных проблем (с. 197). Это не могло не сказаться на общественной атмосфере, при этом представители армейской среды, военное руководство армии активно подражали поведению своих «державных вождей», заимствовали их мировоззренческие и ценностные установки, что вело к нарастанию застойных явлений в российской военной машине.

Еще одной важной проблемой, выявленной соискателем в контексте анализа военно-политической элиты, стало определение места «военной геронтократии» в структуре высшего командного состава и системы управления российской императорской армией. Диссертант связывает представителей данной социальной категории преимущественно с Военным Советом и Александровским комитетом о раненых (параграф 2.3). Примечательно, что исследование данных военных корпораций в отечественной исторической науке практически не велось. Диссертант дает глубокий и обоснованный анализ указанным образованиям. При этом наряду с основными методами исследования он обращается к наработкам в области «психологии старости» и геронтологии (с. 247–248). Соискателем делается вывод о том, что вплоть до окончания русско-японской войны 1904–1905 гг. подавляющая часть представителей Военного Совета была не способна на продуктивную деятельность в области определения путей развития российской армии, что было обусловлено значительным возрастом и, соответственно, комплексом психофизиологических проблем (с. 248–249). Автор подчеркивает, что основной проблемой было «пожизненное членство» подавляющей части генералов в Военном Совете. Диссертант указывает случаи смерти «по причине старости» отдельных «престарелых генералов» во время заседания Военного Совета. Соискатель считает, что сложившееся положение вещей усугублялось тем, что данная корпорация обладала реальной властью и оказывала влияние на принятие важных решений по «хозяйственным вопросам» и «вопросам военного законодательства». Данная проблема была решена только к началу XX в. Интересна также оценка деятельности Александровского комитета о раненых. Опираясь на достаточную источниковую базу, соискатель убедительно доказывает, что к началу XX в. данная структура превратилась в своеобразную «богадельню» для престарелых генералов и функционировала крайне неэффективно (с. 251). В результате тщательного анализа делается вывод о том, что члены

Александровского комитета не обладали реальной властью и по сути являли собой разновидность «псевдоэлиты».

Особое место в работе занимает изучение двух основных элитообразующих и элитогенерирующих структур – Генерального штаба (параграф 2.2.) и российской императорской гвардии в формате Гвардейского корпуса (3-я глава).

При анализе корпуса офицеров Генерального штаба автор исследования обращается к дискуссии 70–80-х гг. XX в. (работы П.А. Зайончковского, В.Д. Поликарпова, А.Г. Кавтарадзе и ряда др. исследователей), продолжившейся вплоть до начала XXI в., суть которой состояла в определении и переосмыслении роли и места офицеров Генерального штаба в российской военной машине. Раскол в среде историков 80–90-х гг. XX в. был очевиден: одна группа исследователей настаивала на особых качествах генштабистов, видя в них образец военного интеллектуала, другая рассматривала их как весьма посредственных военных бюрократов. Опираясь на архивные источники, соискатель отстаивает точку зрения, связанную с определением подготовки офицеров-генштабистов как весьма неоднозначной (с. 218–219) и значительно уступающей европейской. Диссертант объясняет сложившуюся ситуацию крайне неэффективным использованием «военных интеллектуалов» в российской армии. Подавляющая часть действительно одаренных русских офицеров была вынуждена заниматься низкоэффективной «канцелярской работой» (с. 210). Карьерный рост генштабистов хотя и был интенсивнее продвижения по службе армейских офицеров, но сдерживался и ограничивался устаревшими «аристократическими методами» комплектования высшего командного состава армии. На этом пути генштабистам приходилось выдерживать жесткую конкуренцию с отдельными представителями аристократии и офицерами императорской гвардии. К моменту получения заветной должности «военные интеллектуалы» зачастую теряли инициативу и интерес

к новациям. Диссертант доказывает то, что среди генштабистов прослеживается значительный процент офицеров, начинавших свою службу в гвардии. Чаще всего это были представители разорившихся «гвардейских династий», для которых служба в столице была слишком «дорогой». Данным офицерам было значительно легче поступить в академию Генерального штаба и «удержаться» в ней, чем армейцам.

Небезынтересно замечание диссертанта о том, что российская система высшего военного образования 2-й половины XIX в. постоянно отставала от европейской. На фоне ощутимого пробуксовывания реформ 70-х г. г. XIX в. в эпоху П.С. Ванновского прослеживался процесс неуклонного снижения ее качества (с. 221–223). Соискатель отстаивает тезис о том, что получаемые офицерами в Николаевской академии Генерального штаба знания носили бессистемный характер, но в целом соответствовали общему состоянию развития европейской военной науки. В самой академии шло бессмысленное «противостояние» между «школами» М.И. Драгомирова и Г.А. Леера.

К началу XX в. важную роль в подготовке военных специалистов начинают играть другие высшие учебные заведения, а затем и офицерские школы. Соискатель подчеркивает особое место Михайловской артиллерийской академии, а также Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ в формировании офицера-интеллектуала «нового типа», ведущего свое происхождение в том числе и от «мальчика с улицы» (с. 394). Именно в артиллерийских училищах и академии прослеживается наиболее высокий по степени сложности курс военно-технической подготовки (с. 396–397). Диссертант доказывает, что соотношение выходцев из гвардейских и армейских частей, обучавшихся в Михайловской артиллерийской академии, было в пользу армейцев, что обуславливалось высокой сложностью обучения и проблемами с последующим карьерным ростом (с. 399). Тем не менее, значительная часть офицеров, успешно закончивших академию, продолжала службу в гвардии. Диссертант

убедительно демонстрирует, что генералы-артиллеристы начала XX в. играют важную роль в управлении российской армией. Г.С. Чувардин приходит к выводу, что уже к началу XX в. Николаевская и Михайловская артиллерийская академии становятся важнейшим инструментом формирования элиты нового типа – «военной меритократии», идущей на смену старой «аристократической».

По содержанию и глубине анализа различных аспектов проблемы весьма удачно выглядят 3-я и 4-я главы исследования («Российская императорская гвардия как основная «элитогенерирующая» структура»; «Высший командный состав российской императорской гвардии в 1881–1914 г. г.»).

Диссертант справедливо отмечает, что изучение гвардии как отдельной составляющей российской армии находится в стадии активной разработки и сохраняет высокую степень актуальности. К сильной стороне работы следует отнести основательный статистический анализ высшего командного состава Гвардейского корпуса, опирающийся на значительный массив архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

Диссертант определяет гвардию как основной элитообразующий механизм и идентифицирует гвардейский генералитет как важнейшую часть военной элиты и кадровую обойму военно-политической элиты (с. 538–541). Исследователь доказал, что именно гвардейские генералы (в отдельных случаях полковники), в основной своей массе, комплектовали высшие эшелоны российской власти (должности в отдельных министерствах, ведомствах, многочисленных комитетах), должности губернаторов и аппарата губернского управления, безусловно, военно-административные должности и др. (с. 536–538).

Крайне интересен и содержателен анализ основных социальных параметров («базовых индексов») «гвардейского генералитета». На основе тщательной проработки источников соискатель выделяет в структуре

Гвардейского корпуса системы конвенциональных и неконвенциональных образований (параграфы 3.2., 3.3., 3.4.), при этом важное значение имеет замечание о том, что именно неконвенциональные соединения и части выступают важным индикатором эволюции как самой гвардии, так и перерождения политической власти (с. 426). Оригинальным является материал, иллюстрирующий систему ценностных ориентиров и повседневность высшего слоя российского генералитета, его профессиональной пригодности (параграф 4.3.). В то же время соискатель приходит к выводу о недостаточной готовности высшего командного состава российской армии рубежа XIX–XX веков к вероятной войне.

Проведенный диссертантом всесторонний анализ позволяет сделать важный вывод о возможных путях эволюции политической элиты, трансформации механизмов элитообразования, а также определить основные источники кризиса власти, степени ее готовности к новым историческим вызовам. Соискатель допускает возможность компромисса между «старыми» и «новыми» механизмами элитообразования, предполагающего создание особого «русского» типа военно-политической и военной элит, указывает на то, что данный процесс начался со значительным опозданием и не смог оказать влияние на предотвращение политической катастрофы второй половины 1910-х годов (с. 591–602).

Подчеркивая высокий научный уровень и оригинальный характер диссертации Германа Сергеевича Чувардина, отмечая ее научную новизну, в то же время нельзя не сделать некоторые замечания и не отметить ряд спорных моментов исследования.

1. На наш взгляд, спорным является помещение таблиц (50 штук!) в основной текст диссертации (с. 198–199, 208–209, 212, 237–238, 213, 214–215, 215–216, 227–228, 232, 237–238, 245–246, 247, 260, 271, 272–273, 275, 277, 286–287, 295, 323, 347, 370–371, 390–391, 392, 393, 394, 399, 404–405, 405–406, 416, 485–486, 487, 496–497, 499, 507–508, 512–513, 522, 526–527,

529–530, 536–537, 544, 557, 558–559, 589–590). Все эти таблицы можно было перенести в приложение к диссертации.

2. Некоторые разделы диссертации отличает избыточно высокая детализация отдельных описываемых исторических явлений. В целом эта особенность работы носит оправданный характер (например, параграф 4.3 4-ой главы, где дается подробный анализ особенностей повседневности и мировоззрения российского генералитета), но в ряде случаев (параграфы 2.3, 3.1, 4.2) детализация перегружает исследование, безусловно, интересной, но, с нашей точки зрения избыточной информацией, что отчасти затрудняет восприятие общей канвы повествования.

4. Несколько прямолинейной кажется однозначная и во многом категоричная оценка соискателем офицерского корпуса Генерального штаба (параграф 2.2.). Диссертант определяет генштабиста в основном как офицера, обслуживающего различные группы военной и военно-политической элит (с. 210–211), что отражает действительность лишь частично и затрагивает проблему идентификации места, пусть и значительной части, но все же не всего Корпуса офицеров ГШ. Автор настаивает на том, что в России начала XX в. так и не удалось создать группу полноценной высокопрофессиональной «военной меритократии»: обучение в Николаевской академии ГШ данную задачу решить не могло.

5. Встречаются некорректные определения и неточные названия организаций. Так, говоря об историографии темы, автор относит работы 1930-х гг. – начала 60-х гг. XX в. к «сталинской историографии» (с. 9, 92, 95). Во-первых, историографы (как правило!) такого периода не выделяют; во-вторых, следуя логике автора, тогда надо выделить отдельные периоды «хрущевской», «брежневской», «горбачевской» историографии. Думается, что такая новация (выделение «сталинской историографии»!) в историографическом обзоре неуместна. Здесь же укажем, что в диссертации встречаются как точное название Александровского комитета о раненых (с.

244), так и неточное – Александровский комитет раненых (с. 26, 230, 651). Напомним, что Александр I учредил его в 1815 г. под названием «Комитет для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам» (ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25642. С. 876).

Указанные замечания не снижают общей высокой оценки диссертации Г.С. Чувардина.

Диссертационное исследование Германа Сергеевича Чувардина является собою приращение научного знания, выводит на новый уровень анализ российской политической власти, существенным сегментом которой являлась военная элита как особый объект отечественной социальной истории.

Автореферат докторской диссертации объемом 42 страницы полностью соответствует содержанию диссертации. Основные выводы диссертационной работы отражены в публикациях автора, в том числе в двадцати семи статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ; четырех монографиях (одна из них коллективная); двадцати четырех статьях, опубликованных в других научных журналах и сборниках.

Таким образом, диссертация Германа Сергеевича Чувардина «Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881–1914 г. г.» представляет собой квалификационное, законченное исследование, выполненное соискателем самостоятельно на высоком научном уровне. Полученные автором результаты достоверны, выводы и рекомендации носят обоснованный характер. Содержание диссертации, ее методологическое основание актуальны и имеют существенное значение для исторической науки и междисциплинарных исследований. Диссертация отвечает требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК (Постановление правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (ред. от

29.05.2017 г.)), а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории факультета истории и социальных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена).

А.Б. Николаев

Адрес организации: 191186,
Россия, Санкт-Петербург,
набережная реки Мойки, д. 48.
Тел.: (812) 312-44-92
E-mail: mail@herzen.spb.ru

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

подпись

удостоверяю «06 ОКТ 2017» 20 года
Отдел персонала и социальной работы
управления кадровой и социальной работы

документовед
персонала

В.В. Рубинчик

6 октября 2017 г.